

М. С. ОЛЬМИНСКИЙ

Как не следует комментировать Щедрина

<Фрагменты>

Сочинения Щедрина изданы с «комментариями и примечаниями» и с «библиографией», составленными Ивановым-Разумником и занимающими более трехсот страниц мелкой печати. Вероятно, поэтому «сочинения» изданы не полностью, а только две трети их: на полное собрание, можно думать, у Госиздата не хватило средств. «Библиография» критических статей о Щедрина составлена старательно, хотя и не без изъянов. Что касается «комментариев и примечаний», то автору их нельзя отказать в знании эпохи. Но они требовали бы особой книги, независимо от сочинений Щедрина, и с меньшим тиражом. Очевидно, и написаны эти «комментарии» для отдельной книги или для полного собрания сочинений. Этим только и можно объяснить, что автор отсылает нередко читателя к «комментариям» тех сочинений Щедрина, которые не вошли в данное издание <...>.

«Комментарии и примечания» составлены по следующему приблизительно плану. Сначала идет хронология и указание на то, в каких номерах журналов печаталось первоначально произведение; затем — когда вышло оно отдельным изданием и какие изменения текста вносил Щедрин в разные издания; далее — отношение цензуры и потом — примечания к отдельным главам. Все это, кроме примечаний, должно быть темой отдельного исследования: эти вопросы не должны отвлекать внимания читателя от самого художественного произведения.

Примечания же в тесном смысле необходимы, — и не только потому, что Щедрина приходилось писать «рабским» языком, как думает автор, а потому, что между автором и читателем лежит эпоха революций, перевернувшая всю жизнь. Что же касается примечаний, составленных Ивановым-Разумником, то можно сказать, что мимо

них не должен пройти другой будущий составитель их — это достачная похвала. Но пройти с оглядкой: не мало в них слабых сторон.

Первая слабая сторона примечаний — склонность автора их давать оценки отдельным произведениям Щедрина или их частям — оценки голословные: это — хорошо, то — слабее. Разный читатель разных эпох по-разному будет оценивать их. Щедрин не нуждается в рекламах, да еще в таких детских рекламах.

Вторая слабая сторона — смешивание персонажей Щедрина с самим Щедриным. Еще Н. К. Михайловский сделал грубую ошибку, уверяя, будто устами Глумова говорил сам Щедрин. На самом деле и Глумов, и «я» Щедрина только и возможно принимать как персонажи художественных произведений. Иванов-Разумник распространяет ошибку Михайловского на многие другие щедринские персонажи, начиная с «Губернских очерков» и кончая «Пошехонской стариной» (в том числе на Крамольникова и на Никанора Затрапезного).

Третья слабая сторона примечаний — стремление принизить характер художественных произведений Щедрина до уровня фельетонного анонимного «битья» отдельных лиц. Щедрин облакал в художественную форму и личные наблюдения, и более или менее известные из периодической печати факты. Какой же может быть интерес в настоящее время, для современного читателя, исследование об именах тогдашних министров, губернаторов, градоначальников, литераторов, адвокатов, земцев, откупщиков и коммерсантов, которыми Щедрин пользовался как «натурой»? А между тем Иванов-Разумник, по-видимому, наибольший интерес проявляет именно к «обличениям» отдельных лиц, к «распутыванию намеков». Против такого обывательского или «дамского» отношения к своим сочинениям не раз справедливо протестовал Щедрин. В «Сатирах в прозе» он писал: «Я никого не бью по щекам... моя резкость имеет в виду не личности, а известную совокупность явлений, в которой и заключается источник всех зол, угнетающих человечество». К тому же вопросу Щедрин отчасти возвращается в «Круглом годе», октябрь.

Четвертая слабая сторона — неумение комментатора отличать важное от неважного, — неумение, доходящее до курьезов.

Так, например, говоря о «цикле» рассказов «За рубежом», Иванов-Разумник комментирует:

«Из целого ряда намеков и злободневных откликов, которыми пересыпана вся первая глава этого цикла, следует остановиться на неоднократно поминаемой сатириком «саранче», опустошающей благословенные российские пажити. Даже в диалоге “Мальчика в штанах” с “Мальчиком без штанов” последний говорит первому: “Вот у вас

хлеба хорошие, а у нас весь хлеб нынче саранча пожрала!» Газеты 1880 года были полны толками о саранче, особенно губительной в тот год на Закавказьи, но посетившей также и поля черноземной полосы. Статьи о саранче перевалили даже за рубеж 1881 года: так, например, уже в январе этого года мы находим большой фельетон о саранче в газете «Голос» (№ 19)».

Что это? Комментарий к сочинениям Щедрина или к истории саранчи?¹

Или на той же странице комментарий к имени Юханцева:

«Юханцев был кассиром Петербургского общества взаимного кредита с 1873 года по март 1878 года; за эти пять лет он растратил свыше двух миллионов рублей банковских денег. Дело Юханцева, обвинявшегося в этой растрате и в подлогах, слушалось в СПб. окружном суде с 22 по 24 января 1879 года; суд приговорил Юханцева к ссылке на поселение в Енисейскую губернию».

Никакого интереса не представляет упоминание банка и точной даты службы и суда. А интерес представлял факт, что Юханцеву предоставлено было ехать в ссылку на свой счет и что газеты того времени описывали это торжественное путешествие нового миллионера и триумфальную встречу его в Красноярске. Об этом комментатор не упоминает, а между тем это было главное, характеризующее ту эпоху «так называемого первоначального накопления» «священной и неприкосновенной» буржуазной собственности, о которой Щедрин говорил, например, в «Убежище в Монрепо»:

«В последнее время русское общество выделило из себя нечто на манер буржуазии, т. е. новый культурный слой, состоящий из кабатчиков, процентчиков, железнодорожников*, банковских дельцов и прочих казнокрадов и мироедов... Это — ублюдки крепостного права, выбивающиеся из всех сил, чтобы восстановить оное в свою пользу в форме менее разбойнической, но, несомненно, более воровской»².

Я по необходимости ограничился наиболее краткими выписками из «комментариев». Иногда же эти «комментарии» достигают полной страницы и даже нескольких страниц. Например, страница 645 IV тома посвящена расхищению казенных земель «при министре

---

* Конечно, не рабочих и служащих, а подрядчиков и концессионеров, быстро наживавших большие капиталы. — М.О.

Валуеве». Это расхищение достаточно ярко изображено у Щедрина (т. IV, стр. 151–152), и уже если нужно было комментировать факт, то только указанием, что это было не при министре Валуеве, а при царе Александре II, и что цари всегда были нечисты на руку насчет землицы («удельные» и «кабинетские» земли, «Мургабское государство имение», великокняжеские земли). Понятно что за царями тянулись и их министры, и прочие крупные чиновные разбойники, оставшиеся при нравах крепостного права.

Или вот «комментарий» к слову «священная дружина». Достаточно было сказать, что она была предшественницей черносотенного «Союза русского народа» — организации русского фашизма. А у комментатора получилось почти три страницы мелкой печати (IV, 686–68)³.

С одной стороны — излишнее многословие, а с другой — многого нет. Не хватает, прежде всего, перевода на русский язык отдельных фраз, разговоров и речей на французском, латинском и других языках. Далее, у Щедрина попадаются нередко слова, написанные по-русски, — слова, которых читатель не найдет ни в одном словаре «иностранных слов», — для них также требуется перевод. Иногда Щедрин придумывал для обхода цензуры слова, придавая им особый смысл, например, акклиматизация — политическая ссылка, пионеры — чиновники новых учреждений 60-х годов, историографы — чиновники старых учреждений, штаб-офицер — начальник губернского жандармского управления и т. д. Все такие слова требуют пояснения в примечаниях.

Далее, Щедрин употребляет иногда старинные слова и выражения, понятные только после справки в словаре Даля.

А затем, многое потребует примечаний в зависимости от того, на какого современного читателя рассчитывает издательство.

Примечания должны быть краткими. Вот, например, примечание к данному изданию о «казенных палатах»: «главные органы министерства финансов во всех губернских городах» <...> ...А дальнейшие четыре строчки с историей палат и сферой их ведения лишни. Все вообще пояснения должны, я думаю, приводиться под текстом, чтобы не слишком разбивать внимание читателя художественных произведений. Лучше некоторые пояснительные замечания впереди текста, чем в приложении.

<...>

